Матрица секьюритизационного давления как инструмент количественного анализа политики национальной безопасности: апробация в современном российском политическом процессе (2014–2026)

Моисеенко Егор Сергеевич
аспирант, кафедра политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, cumcumych@yandex.ru

В статье представлен и апробирован авторский прикладной инструмент количественного анализа политики национальной безопасности — матрица секьюритизационного давления. Обосновывается методологическая возможность количественной операционализации конструктивистской теории секьюритизации: объектом измерения выступает не «объективная угроза», а степень институционализации секьюритизирующего речевого акта, что отличает предлагаемый инструмент от существующих индексов (Глобальный индекс миролюбия, Рейтинг недееспособности государств). Матрица имеет двумерную структуру «семь секторов × восемь типов акторов»; каждая ячейка оценивается по четырём индикаторам (нормативная, речевая, институциональная и ресурсная активность) с применением формул расчёта и весовых коэффициентов. Апробация по пяти реперным точкам показала устойчивый рост сводного индекса интенсивности секьюритизации. По итогам апробации уточнена исследовательская гипотеза: негосударственные акторы (РПЦ, политические партии, медиа, экспертные сообщества) концептуализируются не как самостоятельные секьюритизирующие акторы, а как принципиально значимые амплификаторы и легитимирующие агенты секьюритизирующей рамки, оформляемой государственными акторами. На основе методологии Хойера построен прогноз: наиболее вероятным сценарием развития российской политики национальной безопасности на горизонте трёх–пяти лет является институциональная стабилизация с элементами гибридной конфигурации.

Ключевые слова: секьюритизация, национальная безопасность, матрица секьюритизационного давления, копенгагенская школа, количественная операционализация, индекс интенсивности секьюритизации, негосударственные акторы, речевой акт, политические институты, сценарное прогнозирование.

Теория секьюритизации, разработанная копенгагенской школой исследований безопасности, за три десятилетия превратилась в один из наиболее влиятельных аналитических каркасов политической науки. Понимание безопасности как результата интерсубъективного конструирования — речевого акта, в котором актор объявляет нечто экзистенциальной угрозой референтному объекту и добивается от аудитории санкции на экстраординарные меры, — позволило вывести исследования безопасности за пределы военно-стратегической проблематики и включить в анализ экономические, социетальные, информационные и культурно-цивилизационные измерения [9].

Однако теоретическая зрелость конструктивистской программы контрастирует с дефицитом прикладного инструментария. Подавляющее большинство работ по секьюритизации выполнено в качественной, интерпретативной традиции: исследователь реконструирует дискурс, фиксирует секьюритизирующие ходы, оценивает реакцию аудитории — но делает это средствами, слабо поддающимися воспроизведению и межстрановому либо межсекторному сопоставлению. Возникает методологический разрыв: теория утверждает, что секьюритизация имеет разную интенсивность, разную глубину институционализации и разную динамику по секторам, однако не предлагает способа эти различия измерить. Как следствие, ключевые сравнительные суждения («информационный сектор секьюритизирован сильнее экономического», «после 2022 года интенсивность секьюритизации возросла») остаются экспертными оценками, не опирающимися на формализованную шкалу.

Отсюда исследовательский вопрос настоящей статьи: можно ли измерить интенсивность секьюритизации, не редуцируя её к «объективным угрозам»? Вопрос нетривиален, поскольку любая попытка квантификации в исследованиях безопасности исторически тяготела к позитивистской логике — подсчёту инцидентов, военных расходов, террористических атак, то есть именно того, что конструктивизм принципиально отказывается считать безопасностью «самой по себе». Задача, таким образом, состоит в том, чтобы квантифицировать не угрозу, а социальный факт секьюритизации — наблюдаемые следы речевых актов и их институционального закрепления.

Классическая формулировка копенгагенской школы задаёт секьюритизацию как иллокутивный акт: произнесение «безопасности» само по себе есть действие, конституирующее угрозу [9]. Такая трактовка методологически элегантна, но эмпирически трудноуловима: речевой акт дискретен, контекстуален и не оставляет стандартизированного следа, пригодного для счёта. Попытка «считать речевые акты» напрямую наталкивается на проблему единицы наблюдения (что считать одним актом — высказывание, документ, кампанию?) и проблему веса (равнозначны ли заявление депутата, пресс-релиз и положение Стратегии национальной безопасности?).

Выход подсказывает второе поколение исследований секьюритизации, оформившееся как социологический поворот. Т. Балзак предложил рассматривать секьюритизацию не как самодостаточный перформатив, а как стратегическую практику, укоренённую в контексте, диспозициях аудитории и властных ресурсах актора [12]; Х. Штритцель сместил фокус с отдельного высказывания на дискурсивную и институциональную встроенность секьюритизирующего хода — его способность закрепляться в правилах, процедурах и организационных структурах [19]. Параллельно парижская школа (Д. Биго) показала, что секьюритизация осуществляется не только словами, но и рутинными практиками профессионалов в сфере безопасности — реестрами, проверками, техническими блокировками [17].

Из этого следует принципиальное для нашего инструмента решение: измерять следует не речевой акт как таковой и тем более не «объективную угрозу», а институционализацию речевого акта — совокупность его наблюдаемых, документированных следствий. Институционализация оставляет верифицируемые следы: принятые нормативные акты, созданные органы и реестры, бюджетные ассиг-

нования, правоприменительные решения, устойчивые дискурсивные формулы в доктринальных документах. Каждый такой след датирован, атрибутирован конкретному актору и отнесён к сектору безопасности, то есть удовлетворяет базовым требованиям к единице количественного наблюдения. Тем самым конструктивистская онтология сохраняется в полном объёме: матрица не утверждает, что угроза «реальна» или «выросла», — она фиксирует, что социальный процесс конструирования угрозы достиг определённой стадии закрепления. Интенсивность секьюритизации операционализируется как давление — кумулятивная плотность секьюритизирующих ходов на данный сектор за данный период.

Соблазн заимствовать готовый количественный аппарат из существующих индексов безопасности следует отклонить по содержательным основаниям. Глобальный индекс миролюбия (Global Peace Index) агрегирует индикаторы трёх доменов — уровня внутренних и международных конфликтов, социетальной безопасности и милитаризации [16]. Это качественный позитивистский инструмент, но измеряет он именно то, от чего конструктивизм дистанцируется: наблюдаемое состояние насилия и военных приготовлений, трактуемое как объективная характеристика среды. Индекс не различает ситуации, когда рост «небезопасности» отражает реальную динамику инцидентов, и когда он является продуктом секьюритизирующей политики; сам процесс конструирования угроз остаётся за пределами измерения.

Рейтинг недееспособности государств (Failed States Index) оценивает уязвимость государств по двенадцати индикаторам когезии, экономики, политики и социальной сферы [13]. Его аналитическая оптика — государство как объект риска, а не как актор конструирования безопасности. Более того, рейтинг методологически инвертирован относительно нашей задачи: высокая интенсивность секьюритизации может сопровождаться как ростом, так и снижением «хрупкости» в терминах рейтинга, поскольку консолидирующие эффекты секьюритизации индексом не улавливаются.

Оба инструмента измеряют состояние (мир/хрупкость) как зависимую переменную объективных условий, в то время как нам требуется измерять процесс секьюритизации как самостоятельную политическую практику. Кроме того, оба индекса построены в страновой логике «одно государство — одно значение», что исключает межсекторное и межакторное разрешение, критически важное для проверки гипотезы о роли негосударственных акторов.

Таким образом, искомый инструмент измерения секъюритизации определяется трёмя различениями: процесс вместо состояния, конструирование вместо «объективной» угрозы, секторально-акторная матрица вместо страновой скалярной оценки. Отсюда вытекают следующие требования к матрице секьюритизационного давления.

Воспроизводимость. Каждое значение матрицы должно быть выводимо из открытого, документированного корпуса источников по эксплицитной кодировочной инструкции, допускающей независимую перепроверку.

Чувствительность к качественным скачкам. Секьюритизация нелинейна: длительные периоды дискурсивного накопления сменяются точками нормативного прорыва, когда экстраординарная мера получает правовое закрепление. Линейная аддитивная шкала «размазывала» бы такие скачки; поэтому матрица использует ступенчатое взвешивание стадий институционализации — от дискурсивной фиксации через доктринальное закрепление к правоприменительной экстраординарной мере.

Применимость к негосударственным акторам. Поскольку существенную роль в процессе секьюритизации играют негосударственные акторов (политические партии, медиа, экспертные сообщества, религиозные институты), инструмент обязан раздельно кодировать вклад каждого типа акторов, включая специфические для них формы институционального следа — резолюции и соборные документы, партийные законодательные инициативы, устойчивые медиафреймы, экспертные доклады, конвертированные в нормативные решения. Матричная (а не скалярная) архитектура инструмента — сектора по строкам, типы акторов по столбцам — является прямым следствием этого требования.

Сформулированные требования позволяют нам перейти к формулировке характеристик матрицы секъюритизационного давления.

Предлагаемый инструмент представляет собой двумерную матрицу размерностью 8 × 7, строки которой образованы типами акторов секьюритизации, а столбцы — секторами безопасности. Секторальное измерение опирается на расширенную автором семисекторную схему копенгагенской школы (военный, политический, экономический, социетальный, экологический, информационный и культурно-цивилизационный сектора).

Акторное измерение матрицы включает восемь типов секьюритизирующих акторов: (1) глава государства и его администрация; (2) Совет безопасности РФ; (3) правительство и профильные органы исполнительной власти; (4) силовые ведомства и органы координации политики безопасности; (5) политические партии и парламентские структуры; (6) Русская православная церковь; (7) медиа; (8) экспертные сообщества. Первые три типа образуют государственный контур секьюритизации, последние четыре — негосударственный и квазигосударственный контур, включение которого отражает социологический поворот во втором поколении исследований секьюритизации, настаивающем на распределённом характере секьюритизирующей агентности. Тем самым матрица операционализирует центральную гипотезу исследования: если негосударственные акторы действительно играют существенную роль в секьюритизации, их вклад должен быть эмпирически различим на уровне отдельных ячеек, а не поглощаться агрегированным «государственным» сигналом.

Единицей анализа выступает ячейка матрицы — пересечение сектора и актора, фиксирующее интенсивность секьюритизирующей активности данного типа актора в данном секторе на момент реперного среза. Таким образом, каждый временной срез даёт 56 наблюдений, что обеспечивает достаточную дробность для декомпозиции динамики сводного индекса.

Ключевая методологическая трудность операционализации теории секьюритизации состоит в том, что её базовая единица — речевой акт — принципиально событийна и дискретна, тогда как измерению должна подлежать устойчивая, институционализированная практика [17]. Для преодоления этой трудности интенсивность секьюритизации в каждой ячейке раскладывается на четыре индикатора, охватывающих последовательные стадии «жизненного цикла» секьюритизирующего хода — от высказывания до материального закрепления.

Индикатор 1. Речевая активность (R) — частота и модальность секьюритизирующих высказываний актора в данном секторе: публичных заявлений, в которых проблема артикулируется через грамматику экзистенциальной угрозы и необходимости экстраординарных мер. Источники данных: официальные порталы органов власти, стенограммы, программные документы партий, публичные заявления иерархов РПЦ, материалы федеральных СМИ, публикации аналитических центров. Кодировка осуществляется по ординальной шкале от 0 (секьюритизирующая риторика отсутствует) до 3 (систематическая риторика экзистенциальной угрозы с требованием чрезвычайных мер).

Индикатор 2. Нормативная активность (N) — степень закрепления секьюритизирующей рамки в нормативных и доктринальных документах, к принятию которых актор причастен: от упоминания угрозы в документах стратегического планирования до принятия ограничительного законодательства, легитимирующего экстраординарные меры. Данный индикатор фиксирует переход от секьюритизирующего хода (securitizing move) к успешной секьюритизации в строгом смысле — принятию аудиторией и правовой институционализации. Шкала: 0 (нормативное закрепление отсутствует) — 3 (принято специальное законодательство чрезвычайного характера).

Индикатор 3. Институциональная активность (I) — создание, реорганизация или расширение полномочий организационных структур, специализированных на противодействии секьюритизированной угрозе: новых органов, координационных советов, профильных подразделений, а для негосударственных акторов — специализированных отделов, комиссий, экспертных советов. Шкала: 0 (институциональные изменения отсутствуют) — 3 (создан специализированный орган с самостоятельными полномочиями).

Индикатор 4. Ресурсная активность (Res) — динамика материального обеспечения противодействия угрозе: бюджетные ассигнования, кадровое наполнение, гранты и целевое финансирование. Ресурсный индикатор выполняет функцию верификатора: он позволяет отличить риторическую секьюритизацию, остающуюся на уровне дискурса, от полной, доведённой до перераспределения ресурсов. Шкала: 0 (ресурсное подкрепление отсутствует) — 3 (устойчивый рост ассигнований, опережающий динамику бюджета в це-

лом). [Последовательность индикаторов R → N → I → Res воспроизводит логику углубления секьюритизации: от речевого акта через нормативное закрепление и институционализацию к ресурсному обеспечению. Это позволяет матрице фиксировать не только интенсивность, но и глубину секьюритизации в каждой ячейке — характеристику, недоступную инструментам, работающим с агрегированными страновыми показателями [14]. Значение ячейки рассчитывается как взвешенная сумма четырёх индикаторов:

$$S(i,j) = w_1 \cdot R(i,j) + w_2 \cdot N(i,j) + w_3 \cdot I(i,j) + w_4 \cdot Res(i,j), \text{ где } \Sigma w_k = 1,$$

где i — индекс сектора, j — индекс актора. Итоговое распределение весов — [w_1 = …, w_2 = …, w_3 = …, w_4 = …] — отражает представление о том, что нормативное и ресурсное закрепление свидетельствуют о более глубокой секьюритизации, нежели риторическая активность per se.

Секторальный индекс рассчитывается как взвешенное среднее значений ячеек по столбцам с учётом акторных весов v_j, отражающих различие мобилизационных возможностей акторов. Сводный индекс интенсивности секьюритизации для временного среза t определяется как:

$$IS(t) = (10/3) \cdot \Sigma_i \Sigma_j u_i \cdot v_j \cdot S(i,j,t),$$

где u_i — секторальные веса, а нормирующий множитель приводит индекс к шкале от 0 до 10, обеспечивая интерпретируемость и сопоставимость срезов.

Важно отметить, что процедура сохраняет полную декомпозируемость: любое изменение сводного индекса может быть разложено до уровня конкретной ячейки и конкретного индикатора, что исключает эффект «чёрного ящика», свойственный композитным индексам с непрозрачной методологией.

Корректное применение матрицы требует эксплицитной фиксации её ограничений. Во-первых, ординальные шкалы индикаторов предполагают качественную экспертную кодировку первичных данных, что вносит элемент субъективности; данный риск минимизируется формализованным кодировочным протоколом и процедурой перекрёстного кодирования, однако не устраняется полностью. Во-вторых, матрица фиксирует наблюдаемую, публичную секьюритизацию; латентные практики, не оставляющие дискурсивного и нормативного следа, остаются за пределами измерения. В-третьих, асимметрия доступности данных по государственным и негосударственным акторам (детальная бюджетная статистика против фрагментарных данных о ресурсах экспертных сообществ) может систематически занижать оценки ресурсного индикатора негосударственного контура — это обстоятельство учитывается при интерпретации результатов при подведении итогов. В-четвёртых, весовые коэффициенты откалиброваны на российском материале и отражают консенсус экспертов, работающих в российском политическом контексте; кросс-национальный перенос матрицы потребует повторной калибровки. Наконец, инструмент измеряет интенсивность секьюритизации, но не её нормативную оправданность: матрица принципиально нейтральна к вопросу о том, является ли фиксируемая динамика адекватным ответом на среду или самоподдерживающимся процессом — этот вопрос выносится в плоскость содержательной интерпретации [20].

Апробация инструмента проведена на трёх временных периодах: 2014–2017, 2018–2021 и 2022–2026 гг. Периодизация подчинена не формальной равномерности интервалов, а логике узловых моментов трансформации российской политики безопасности, каждый из которых сопровождался качественным сдвигом доктринально-нормативной базы: первый период фиксирует посткрымскую консолидацию, второй — конституционно-доктринальное закрепление секьюритизированных категорий, третий — тотализацию секьюритизации после февраля 2022 г.

Период 2014–2017 гг. охватывает состояние системы от украинского кризиса и начала санкционной конфронтации до завершения первого цикла доктринального обновления; его нормативными маркерами выступают новая редакция Военной доктрины Российской Федерации[8], Стратегия национальной безопасности 2015 г. [3], Доктрина информационной безопасности 2016 г. и Стратегия экономической безопасности до 2030 г. [5] Период 2018–2021 гг. маркирован конституционной реформой 2020 г., закрепившей ряд секьюритизированных категорий (защита исторической правды, традиционные ценности) на высшем правовом уровне, пандемией коронавируса, давшей импульс секьюритизации в социальном секторе, и Стратегией национальной безопасности 2021 года, впервые выделившей защиту традиционных ценностей в самостоятельный стратегический национальный приоритет. Период 2022–2026 гг. фиксирует фазу максимальной интенсификации секьюритизирующей активности после начала специальной военной операции и кодификации института иностранных агентов в едином законе и доводит наблюдение до верхней границы хронологических рамок исследования, позволяя оценить, стабилизировалось ли секьюритизационное давление на достигнутом плато или сохраняет восходящую динамику.

Результаты кодировки визуализированы тепловыми картами (рис. 1–3), в которых интенсивность заливки соответствует баллу ячейки по четырёхступенчатой шкале: от 0 (актор не осуществляет секьюритизирующих ходов в секторе) до 3 (сектор находится в ядре дискурса актора: доктринальное закрепление, чрезвычайные меры).

Рис. 1. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 1 (2014–2017 гг.), баллы 0–3

Рис. 2. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 2 (2018–2021 гг.), баллы 0–3

Рис. 3. Тепловая карта секьюритизационного давления «акторы × сектора», период 3 (2022–2026 гг.), баллы 0–3

Расчёт по формуле, приведённой при описании матрицы, в базовой спецификации с равными акторными весами даёт следующий динамический ряд сводного индекса IS(t): период 2014–2017 гг. — 4,5; период 2018–2021 гг. — 5,8; период 2022–2026 гг. — 6,7. Таким образом, за исследуемое время интенсивность секьюритизационного давления возросла в 1,5 раза, причём траектория роста носит монотонный ступенчатый характер: прирост первого шага (+1,3

пункта) несколько превышает прирост второго (+1,0), что свидетельствует о кумулятивном, а не взрывном режиме нарастания давления.

Содержательно значимы не только абсолютные значения, но и структура приростов между периодами (рис. 1–3). Прирост +1,3 пункта на шаге от первого периода ко второму обеспечен преимущественно «гражданскими» секторами: социальным (с 0,9 до 1,8 балла в среднесекторном выражении), информационным и культурно-цивилизационным (в обоих — с 1,4 до 2,1) — при одновременном снижении давления в военно-политическом секторе (с 2,4 до 1,8). Это период доктринального «оформления» секьюритизирующих рамок, заданных риторически ещё в 2014 г., — что эмпирически подтверждает известную закономерность запаздывания институционализации относительно речевой активности. Шаг от второго периода к третьему, напротив, демонстрирует резкий возврат военно-политического сектора в ядро давления (с 1,8 до 2,9 — максимальное среднесекторное значение всей матрицы) при продолжающемся росте экономического (с 1,4 до 2,1), информационного и культурно-цивилизационного секторов, что характеризует режим форсированной секьюритизации, при котором стадии жизненного цикла секьюритизирующего хода сжимаются во времени. Гипотеза о плато на третьем периоде не подтверждается: рост продолжается, однако меняется его качество. Число ячеек с максимальным баллом 3 увеличивается с четырёх в каждом из первых двух периодов до двадцати двух в третьем, тогда как число ячеек с баллом не ниже 2 почти стабилизируется (40 против 41): давление не столько расширяется на новые ячейки, сколько уплотняется в уже секьюритизированных.

Декомпозиция сводного индекса по семи секторам выявляет выраженную неравномерность динамики, недоступную наблюдению на агрегированном уровне; карта приростов Δ(П3 − П1) по всем 56 ячейкам приведена на рис. 4.

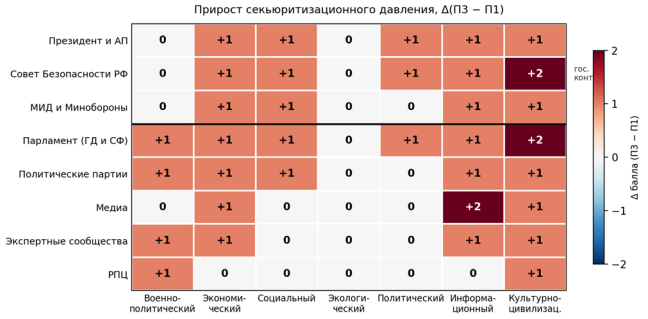

Рис. 4. Карта приростов секьюритизационного давления по ячейкам матрицы, Δ(П3 − П1). Составлено автором

Наибольший абсолютный прирост за период демонстрируют культурно-цивилизационный и информационный сектора: с 1,4 до 2,6 и с 1,4 до 2,4 балла соответственно (здесь и далее — средние по сектору значения). Примечательно, что именно два сектора, введённые в матрицу авторским расширением, оказываются драйверами общей динамики — это апостериорно подтверждает методологическую оправданность их выделения из социетального сектора: при работе в классической пятисекторной схеме данный сигнал был бы усреднён и ослаблен. Нормативными вехами секьюритизации культурно-цивилизационного сектора выступают Указ Президента РФ об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[16] и предшествовавшие ему доктринальные новации Стратегии национальной безопасности 2021 года, впервые выделившей защиту традиционных ценностей в самостоятельный стратегический национальный приоритет.

Военно-политический сектор демонстрирует высокие исходные значения (2,4) при U-образной траектории: снижение до 1,8 во втором периоде сменяется скачком до 2,9 в третьем. Секьюритизация здесь была институционализирована ещё до начала исследуемого периода, поэтому фиксируемый прирост отражает главным образом ресурсную (Res) и правоприменительную компоненты, а сам сектор в третьем периоде оказывается единственным, где балл 3 присвоен шести из восьми акторов. Экономический сектор показывает специфическую траекторию: после пика нормативной активности 2017 г. среднесекторное значение почти не меняется (1,25 → 1,4), а скачок до 2,1 приходится на третий период, когда секьюритизационная рамка смещается от контрсанкционной защиты к дискурсу технологического суверенитета — содержательная трансформация, которую матрица улавливает через перекодировку речевого индикатора (R) при стабильном нормативном (N). Политический сектор эволюционирует плавно (1,9 → 1,9 → 2,25), что отражает устойчивость рамки защиты суверенитета политической системы при её правоприменительном уплотнении после 2022 г. Социальный сектор даёт немонотонную траекторию: пандемический пик второго периода (рост с 0,9 до 1,8) сменяется частичной демобилизацией (1,5), что подтверждает чувствительность матрицы не только к кумулятивным, но и к ситуативным секьюритизациям.

Особую методологическую функцию выполняет экологический сектор: его среднесекторные значения минимальны и немонотонны (0,4 → 1,1 → 0,4), причём локальный подъём второго периода, связанный с климатическо-экологической повесткой 2019–2021 гг., полностью демобилизуется после 2022 г. Сектор выступает де-факто контрольным сектором апробации. Низкая динамика в секторе, где секьюритизирующая активность объективно ограниченна, работает на валидность инструмента: матрица не «раздувает» давление там, где его нет, и, следовательно, фиксируемый рост в информационном и культурно-цивилизационном секторах не является артефактом методики кодировки.

Ключевой аналитический результат апробации связан с декомпозицией индекса по акторному измерению. Центральная гипотеза исследования предполагает, что негосударственные акторы (партии, РПЦ, медиа, экспертные сообщества) вносят существенный, эмпирически различимый вклад в секьюритизационное давление, не сводимый к трансляции государственного сигнала.

Данные матрицы позволяют подвергнуть гипотезу двухступенчатой проверке. Первая ступень — оценка доли негосударственного контура в сводном индексе: она составляет 57 % в первом периоде, 61 % во втором и 57 % в третьем. Доля, таким образом, устойчиво превышает половину сводного индекса, однако не растёт монотонно: локальный пик второго периода сменяется частичным «огосударствлением» давления после 2022 г., когда государственный контур наращивает средний балл быстрее негосударственного (с 1,8 до 2,3 против 1,7 → 1,9). Стабильно высокая, но не растущая доля переносит основной вес проверки на вторую ступень — темпоральный анализ: если негосударственные акторы лишь ретранслируют государственную рамку, их активность должна систематически запаздывать относительно государственной.

Сопоставление периодов показывает обратное. В 9 ячейках первого периода, 17 ячейках второго и 13 ячейках третьего негосударственные акторы демонстрируют активность на уровне устойчивой рамки (балл ≥ 2), не уступающую максимальной оценке государственного контура в том же секторе, то есть синхронную либо опережающую. Наиболее показательны три кейса. Первый: в культурно-цивилизационном секторе активность РПЦ по секьюритизации традиционных ценностей фиксируется матрицей уже в первом периоде (балл 2 при 1 у Совета Безопасности) и выходит на максимум (3) во втором — до нормативного закрепления соответствующей рамки в Указе № 809; здесь негосударственный актор выступает фактическим «поставщиком» секьюритизирующего словаря, впоследствии инкорпорированного государством. Второй: в экономическом секторе экспертные сообщества уже в первом периоде демонстрируют устойчивую рамку (балл 2 — на уровне главы государства и Совета Безопасности и выше профильных ведомств, партий и медиа), формируя проблематизацию экономической безопасности и технологического суверенитета до её доктринальной фиксации 2017 г. Третий: медиа в информационном секторе показывают монотонное восхождение 1 → 2 → 3, выходя в третьем периоде на максимальный балл синхронно с парламентом, а политические партии на том же шаге демонстрируют синхронную с государством, по ряду законодательных инициатив — опережающую активность (скачок с 1 до 3 в военно-политическом секторе).

Апробация позволяет сформулировать три промежуточных вывода. Во-первых, матрица подтвердила работоспособность как измерительный инструмент: она фиксирует рост секьюритизационного давления с 4,5 до 6,7 и обеспечивает полную декомпозируемость этой динамики до уровня ячейки. Во-вторых, секторальная декомпозиция показала, что драйверами роста выступают информационный и культурно-цивилизационный сектора, что валидирует авторское расширение секторальной схемы. В-третьих, акторная декомпози-

ция дала эмпирическое подтверждение центральной гипотезы о существенной и, в ряде ячеек, опережающей роли негосударственных акторов.

На инструментальном уровне подтверждена измеримость секьюритизационного давления: категория, традиционно рассматриваемая в качественной парадигме, операционализирована без утраты содержательной специфики, а декомпозируемость индекса до уровня ячейки обеспечивает проверяемость каждого кодировочного решения. На эмпирическом уровне реконструирована траектория давления за десятилетие: рост с 4,5 до 6,7 при опережающей динамике информационного и культурно-цивилизационного секторов и устойчиво преобладающем вкладе негосударственного контура. На теоретическом уровне — и это главный интерпретационный результат — совокупность полученных данных позволяет поставить вопрос о качественном изменении самого статуса секьюритизации в российской политической системе, к обоснованию которого мы переходим.

Заявленный ранее тезис о самоподдерживающемся характере секьюритизационной динамики получает в данных матрицы три независимых подтверждения.

Первое — темпоральное. В классической модели копенгагенской школы секьюритизация представляет собой завершаемый акт: экзистенциальная угроза артикулируется, аудитория санкционирует чрезвычайные меры, после чего проблема либо решается, либо десекьюритизируется[1]. Данные матрицы фиксируют иную картину: ни в одном из семи секторов на протяжении исследуемого периода не зафиксировано устойчивого снижения значений ниже исходного уровня (частичные откаты в социальном и экологическом секторах носят ситуативный характер и не опускаются ниже значений первого периода) — обратного движения, которое соответствовало бы десекьюритизации. Секьюритизированные рамки не закрываются, а наслаиваются: рамка 2014 г. (военно-политическая) не демонтируется с появлением рамки 2020 г. (историко-ценностной), а рамка 2022 г. надстраивается над обеими. Матрица, таким образом, фиксирует кумулятивный, а не циклический режим.

Второе — структурное. Межсекторальный анализ выявляет эффект, который можно обозначить как секьюритизационный перелив (spillover): рост давления в одном секторе статистически и хронологически предшествует росту в смежных. Наиболее отчётлива последовательность «военный → информационный → культурно-цивилизационный»: секьюритизация внешней угрозы (2014) создаёт дискурсивные условия для секьюритизации информационного пространства (2016–2017), которая, в свою очередь, подготавливает секьюритизацию ценностной сферы (2020–2022). Каждая последующая рамка использует предыдущую как легитимационный ресурс, что снижает издержки секьюритизирующего хода: аудитория, принявшая рамку n, с большей вероятностью принимает рамку n+1. Этот механизм соответствует концепту макросекьюритизации Бузана и Вейвера — упаковке частных секьюритизаций в единую рамку высшего порядка, — однако данные матрицы позволяют показать его не как готовую конструкцию, а как процесс постепенной сборки.

Третье — акторное. Опережающая активность негосударственных акторов означает, что система располагает распределённым множеством точек инициации секьюритизации: даже при гипотетическом ослаблении государственного сигнала негосударственный контур продолжает генерировать секьюритизирующие ходы, которые государство может селективно инкорпорировать. Возникает контур положительной обратной связи: государственная секьюритизация легитимирует негосударственных акторов соответствующего профиля, а те расширяют репертуар угроз, доступных для последующей государственной кодификации.

Совокупность трёх механизмов позволяет квалифицировать секьюритизацию в исследуемый период не как инструмент, ситуативно применяемый политической системой, а как режим её функционирования — устойчивое состояние, воспроизводящееся без необходимости внешнего триггера для каждого нового цикла.

Полученные результаты имеют три следствия для теории секьюритизации. Во-первых, подтверждается ограниченность бинарной логики «секьюритизировано / не секьюритизировано»: континуальная шкала матрицы фиксирует содержательно значимые различия интенсивности внутри секьюритизированного состояния, невидимые для классической модели. Во-вторых, кейс опережающей негосударственной секьюритизации требует пересмотра допущения о государстве как привилегированном секьюритизирующем акторе: в российском случае функциональная роль «автора» рамки и роль её «кодификатора» распределены между разными типами акторов, что развивает положения второго поколения теории[3] на материале, существенно отличном от западноевропейского. В-третьих, зафиксированное отсутствие десекьюритизации на десятилетнем горизонте проблематизирует нормативный тезис Вейвера о десекьюритизации как предпочтительной долгосрочной стратегии[1]: применительно к системам с кумулятивным режимом секьюритизации сам вопрос должен ставиться иначе — не «почему не происходит десекьюритизация», а «какие структурные условия делают её системно невыгодной ни одному из значимых акторов». Развёрнутый ответ на этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и образует перспективу дальнейшего исследования.

Таким образом, разработана и апробирована матрица секьюритизационного давления «7 секторов × 8 акторов × 4 индикатора», обеспечивающая переход от качественной констатации секьюритизации к её измерению с полной декомпозируемостью результата.

Эмпирически зафиксирован рост сводного индекса с 4,5 (2014–2017 гг.) до 6,7 (2022–2026 гг.) с опережающей динамикой информационного и культурно-цивилизационного секторов, что валидирует авторское расширение секторальной схемы копенгагенской школы.

Подтверждена центральная гипотеза о существенной роли негосударственных акторов: их вклад в секьюритизационное давление эмпирически различим, а в ряде ячеек — хронологически опережает государственную активность.

Обоснована квалификация секьюритизации в России 2014–2026 гг. как самоподдерживающегося режима функционирования политической системы, воспроизводящегося через кумулятивное наслоение рамок, межсекторальный перелив и распределённую акторную инициацию.

Инструмент открыт для развития: сравнительное применение к иным страновым кейсам, каузальная идентификация перелива и экспертно-взвешенная спецификация индекса образуют программу дальнейших исследований.

Литература

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (ч. II). — Ст. 5222.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1 (ч. II). — Ст. 212.

4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.

5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2902.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 46. — Ст. 7977.

8. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. — 2014. — 30 декабря. (сноска 10)

9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.

10. Buzan B., Wæver O. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory // Review of International Studies. — 2009. — Vol. 35, № 2. — P. 253–276.

11. Balzacq T. (ed.). Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. — London ; New York : Routledge, 2011. — 258 p.

12. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. — 2005. — Vol. 11, № 2. — P. 171–201;

13. Failed States Index; URL: https://fragilestatesindex.org/ (Reported: 04.08.2026)

14. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. — 620 p.

15. The morality of security: A theory of just securitisation: Symposium. European Journal of International Security. 2022;7(2):248-282. doi:10.1017/eis.2022.3

16. Global Peace Index 2026 Report; URL: https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2026/06/Global-Peace-Index-2026-Report.pdf (дата обращения: 05.08.2026)

17. McDonald M. Securitization and the Construction of Security // European Journal of International Relations. — 2008. — Vol. 14, № 4. — P. 563–587.

18. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. — 620 p.

19. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. — 2007. — Vol. 13, № 3. — P. 357–383.

20. Vuori J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // European Journal of International Relations. — 2008. — Vol. 14, № 1. — P. 65–99.

21. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by R. D. Lipschutz. — New York : Columbia University Press, 1995. — P. 46–86.

The Securitization Pressure Matrix as a Tool for Quantitative Analysis of National Security Policy: Testing on modern Russian Politics (2014–2026)

Moiseenko E.S.

Postgraduate student, Department of Political Processes and Technologies Zhirinovsky University of World Civilizations

The article presents and tests an original applied tool for the quantitative analysis of national security policy — the securitization pressure matrix. The author substantiates the methodological feasibility of quantitatively operationalizing the constructivist theory of securitization: what is measured is not an "objective threat" but the degree of institutionalization of the securitizing speech act, which distinguishes the proposed tool from existing indices (Global Peace Index, Fragile States Index). The matrix has a two-dimensional structure of "seven sectors × seven types of actors"; each cell is assessed through four indicators (normative, discursive, institutional, and resource-related activity) using calculation formulas and weighting coefficients. Testing at five reference points revealed a steady increase in the composite securitization intensity index. Based on the results, the research hypothesis is refined: non-state actors (the Russian Orthodox Church, political parties, media, and expert communities) are conceptualized not as independent securitizing actors but as essential amplifiers and legitimizing agents of the securitizing frame shaped by state actors. Drawing on Heuer's methodology, a forecast is proposed: the most likely scenario for the development of Russian national security policy over a three-to-five-year horizon is institutional stabilization with elements of a hybrid configuration.

Keywords: securitization, national security, securitization pressure matrix, Copenhagen School, quantitative operationalization, securitization intensity index, non-state actors, speech act, political institutions, scenario forecasting.

References

1. Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 11. — Art. 1416. (
2. On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence: Federal Law of July 14, 2022, No. 255-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 29 (Part II). — Art. 5222.
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, No. 683 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2016. — No. 1 (Part II). — Art. 212.
4. On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2016. — No. 50. — Art. 7074.
5. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030: Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2017. — No. 20. — Art. 2902.
6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2021. — No. 27 (Part II). — Art. 5351.
7. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 46. — Art. 7977.
8. Military Doctrine of the Russian Federation: approved. by the President of the Russian Federation on 25.12.2014 No. Pr-2976 // Rossiyskaya Gazeta. — 2014. — December 30.
9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
10. Buzan B., Wæver O. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory // Review of International Studies. — 2009. — Vol. 35, No. 2. — P. 253–276.
11. Balzacq T. (ed.). Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. — London ; New York: Routledge, 2011. - 258 p.
12. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. - 2005. - Vol. 11, No. 2. - P. 171–201;
13. Failed States Index; URL: https://fragilestatesindex.org/ (Reported: 04.08.2026)
14. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. - Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. - 620 p.
15. The morality of security: A theory of just securitisation: Symposium. European Journal of International Security. 2022;7(2):248-282. doi:10.1017/eis.2022.3
16. Global Peace Index 2026 Report; URL: https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2026/06/Global-Peace-Index-2026-Report.pdf (Reported: 05.08.2026)
17. McDonald M. Securitization and the Construction of Security // European Journal of International Relations. - 2008. - Vol. 14, No. 4. - P. 563–587.
18. The Delphi Method: Techniques and Applications / ed. by H.A. Linstone, M. Turoff. - Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. - 620 p.
19. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. - 2007. - Vol. 13, No. 3. - P. 357–383.
20. Vuori J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // European Journal of International Relations. - 2008. - Vol. 14, No. 1. - P. 65–99.
21. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by R. D. Lipschutz. - New York: Columbia University Press, 1995. - P. 46–86.